

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

«ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА» А.М. ПЕШКОВСКОГО: 1910–1930-е гг.

В статье раскрывается научная и творческая биография А.М. Пешковского (1878–1933) московского периода его деятельности. После скитаний по Европе и поиска своего предназначения ученый сконцентрировал внимание на изучении лингвистических проблем. Но его пылкая натура исследователя не могла уложиться в рамки традиционного языкознания и постоянно включалась в различные проекты 1920-х гг. А.М. Пешковский в этой части предстает не только как исследователь, а общественный деятель, полемист, «духовно прекрасный» человек, в котором до последних лет жила душа экспериментатора и большого фантазера в мире бурных культурно-исторических событий первой трети XX в. Отмечено его участие в работе Московской диалектологической комиссии и в Обществе любителей российской словесности. В статье приводятся факты, связанные с его отношениями в кругу символистов и поэтов Серебряного века, особенно с М.А. Волошиным, их дискуссии и споры, раздумья о творчестве. Показаны роль А.М. Пешковского в организации учебной и научно-методической работы в 1920-е гг., его интерес к различным отраслям лингвистической науки: от поэтики до интонации. В статье раскрыты малоизвестные биографические данные А.М. Пешковского.

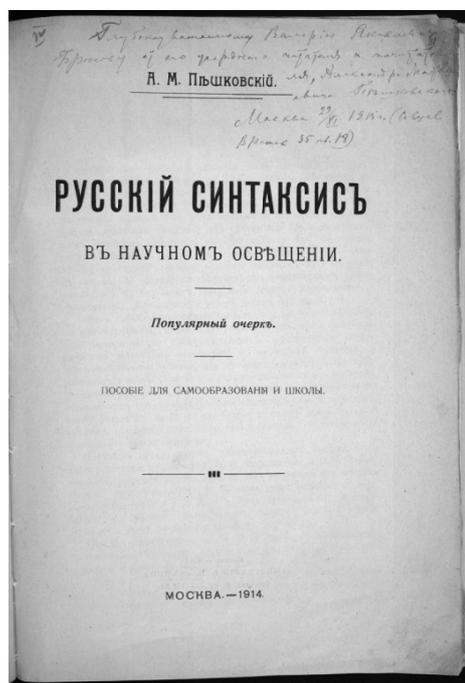
Филология, научный эксперимент, литературное сообщество, идеологическое строительство, методика преподавания русского языка, философия творчества.

А.М. Пешковский и в начале своего творческого пути был нетипичным филологом в том смысле, что смог удачно соединить строгие научные приемы анализа текста и его создателей – авторов, далеко не безразличных ученому. Оттого, наверное, на страницах самого объемного труда – «Русский синтаксис в научном освещении» – не случайно появились строки из поэзии В.Я. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба наряду с отрывками из Пушкина, Некрасова, Л. Толстого, Чехова и периодики 1920-х гг. Текст воспринимался А.М. Пешковским не как *пустой* объект исследования: он был наполнен отголосками событий и имен, речевых характеристик разных эпох, проецировавшихся через «грамматическое сознание» ученого. Некоторых из своих «авторов» он знал лично. Мы уже писали о его дружбе с М.А. Волошиным. Другой яркий представитель литературы Серебряного века, В.Я. Брюсов, гармонично вошел в лингвистическую концепцию А.М. Пешковского своими стихами. Например, когда говорится об особенностях приложений, то приводится такой отрывок:

Въ этой нѣжности мгновенной
 Можетъ, тайно, разлита
 Ласка матери-вселенной (Брюс.)
 [7, с. 172].

Сочетания со сказуемым приложением иллюстрируются так:

Онъ былъ царевичъ и мужчина... (Брюс.).
 ...Но мгновенье было – трепеть,
 взоры были – страхъ! (Брюс.)
 [7, с. 214].

Дарственная надпись А.М. Пешковского В.Я. Брюсову на титульном листе «Русского синтаксиса...» (М., 1914)

В.Я. Брюсову А.М. Пешковский подарил первое издание «Русского синтаксиса...», оставив на титульном листе книги примечательную надпись: «Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от его усердного читателя и почитателя, Александра Матвѣвича Пѣшковскаго. Москва 29/XI 1915 г.

(Сивцев Вражек 35 кв. 18)» (ОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. № 1255. Л. IV).

И позднее, уже на страницах сборника «Свиток», где А.М. Пешковский опубликовал статью «Стихи и проза с лингвистической точки зрения», тоже помещен автограф ученого: «Многоуважаемому В.Я. Брюсову от автора. 22/IX 24 г. (из сб. «Свиток» № 3^н)» (ОР РГБ. Ф. 386. Книги. Ед. хр. № 1256).

Так, еще в молодые годы А.М. Пешковский, быть может не без содействия М.А. Волошина, общался с крупнейшими литераторами того времени и даже конкурировал с ними в своем стремлении к художественному творчеству, поиску собственного искусства и лингвистическому эксперименту.

А.М. Пешковский принимал участие в работе Московской диалектологической комиссии. Так, например, на одном из заседаний 1915 г. он прочитал доклад «Синтаксис в школе». Там же проходили оживленные дискуссии о новых книгах, обсуждались интересные проблемы в области полевых исследований, теории и истории языка и многое другое. По имеющимся у нас данным А.М. Пешковский еще дважды выступал с докладами в МДК: «Несколько наблюдений над ритмико-мелодической стороной русской речи» и «О книге Всеволодского-Гернгросса “Теория русской речевой интонации”». Вопросы, поставленные автором в «Русском синтаксисе в научном освещении», также стали предметом обсуждения. Дискуссия по этой проблеме была инициирована выступлениями М.Н. Петерсона: «Из бесед <...> следует отметить четыре “синтаксические” беседы, вызванные докладом М.Н. Петерсона о синтаксисе А.М. Пешковского...» (цит. по изд.: [12, с. 316]). 6 февраля 1929 г. ученый присутствовал на юбилейном 189 заседании Московской диалектологической комиссии, проходившем в семинарском корпусе I МГУ, которое было посвящено 25-летию со дня ее основания. Вместе с Д.Н. Ушаковым, Н.Н. Дурново, И.Г. Голановым, М.Н. Петерсоном, И.М. Тарабриным, Г.А. Ильинским и другими членами комиссии ученые почтили память ее первого председателя академика Ф.Е. Корша и покровителя А.А. Шахматова, поделились воспоминаниями о своих учителях и деятельности МДК, охарактеризовали главнейшие направления в научной работе и перспективы будущих исследований (Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 71. Лл. 21–39; см. также [5, с. 91–102]).

Уходили, один за другим, виднейшие отечественные филологи-слависты и лингвисты – Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов, которые своим авторитетом и титанической деятельностью заражали и заряжали новые силы, вели вперед, какой бы областью они ни занимались – диалектологией, современным или восточным языкознанием, компаративистикой. Именно тогда, на рубеже XIX–XX веков, накануне больших перемен, и зародилось новое (хотя по сути своей – классическое и строго научное) направление, ставившее своей задачей в том числе и поднятие авторитета русской науки в целом путем обращения к богатейшему опыту классиков и живой исследовательско-экспедиционной работы в разных направлениях филологии, поставленной уже не на разрозненные, хаотично движущиеся «эксперименты», а на строго организованную и обоснованную систему,

приоритетом которой была наука конкретных данных (А.М. Селищев) – лингвистика. Роль Московской лингвистической школы и Московской диалектологической комиссии в этом, несомненно, велика. Из нее вышли крупнейшие ученые, сформировавшие костяк Московской лингвистической школы. Но в то же время она была и центром *филологического эксперимента*, где опробовались многие индивидуальные методики и решались актуальные задачи школьного и вузовского образования. В русле ее направлений А.М. Пешковский, например, в 1921–1923 гг. принимал участие в деятельности Лингвистического общества при Московском университете, заседания которого проходили часто совместно с работой Лингвистической секции Научно-исследовательского института языка и литературы. В указанный период он сделал доклад «О понятии отдельного слова» [12, с. 281].

Все эти события, как мы полагаем, оказали большое влияние и на формирование научной *позиции* А.М. Пешковского.

Уже в 1910-е гг. ученый ведет активную общественную деятельность на ниве филологического просвещения: в 1916–1917 гг. он выступил в Москве на первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка средней школы с докладом «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания».

Послереволюционная деятельность А.М. Пешковского связана с преподаванием на кафедре сравнительного языковедения в Днепропетровском (б. Екатеринославском) университете (1918 г.), в Высшем институте народного образования и других учебных заведениях. С 1921 г. он являлся профессором 1-го Московского университета и Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова. В эти же годы он вел большую организационную работу: был председателем Московской постоянной комиссии преподавателей русского языка, членом специальных ученых комиссий при Наркомпросе и Главнауке, неоднократно участвовал в совещаниях по вопросам методики преподавания русского языка. Так, например, 14 июля 1922 г. ученый выступил с докладом «Желательные изменения в программе рабочих факультетов по русскому языку» на конференции рабочих факультетов.

С такой же пылливой страстностью и энтузиазмом, с какой он пропагандировал родной язык как педагог и методист, А.М. Пешковский был увлечен и другой стихией художественного творчества, которая влекла его еще с юношеских лет. В беспокойные 1920-е гг. он участвовал в знаковых культурных проектах. Но не только.

Как ни вспомнить знаменитые «Никитинские субботники» – литературное общество, объединившее многих талантливых поэтов и прозаиков, организованное в 1922 г., и одноименное издательство; там читались историко-литературные доклады, декламировались стихи и переводы, выступали беллетристы и драматурги. В № 3 сборника «Свиток», выпускавшегося этим обществом, вместе со статьей А.М. Пешковского были помещены публикации Л. Гроссмана, К. Бальмонта, О. Мандельштама и других авторов. Участником заседаний был и друг А.М. Пешковского М.А. Волошин.

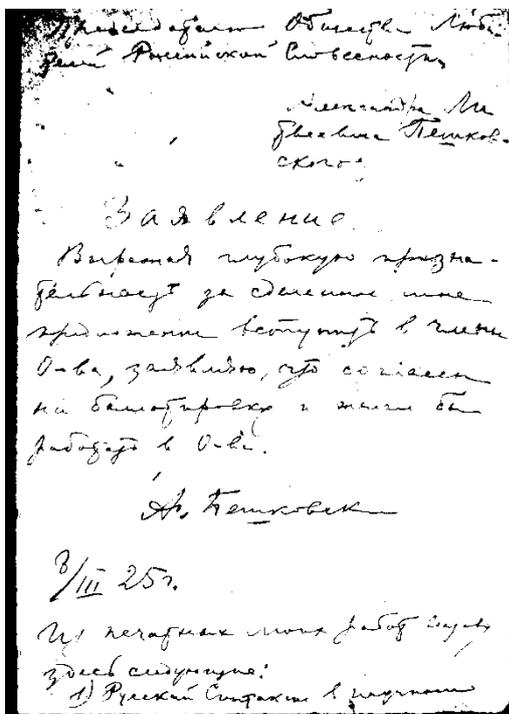
Здесь, в живой атмосфере творчества, ученый мог выражать свои мысли возможно более смело и в чем-то даже парадоксально, уже не опираясь на грамматические традиции Московской лингвистической школы. В этих поэтико-стилистических исканиях он выразил свой опыт, свои наблюдения и поразительную интуицию глубокого знатока и провидца художественных и лингвистических открытий будущего.

А.М. Пешковский и в общении с творческой интеллигенцией был остроумен и свеж: его искрометные миниатюры подчеркивают незаурядность языкового мышления ученого и гармонию вкуса. На письме Е.Ф. Никитиной, например, он начертал такой стих:

Дорогой Евдоксии Федоровне Никитиной
Чашка и чай лишь случайно созвучны, на
«ча» начинаясь;
Но не случайно у Вас оба приют
свой нашли.

А. Пешковский

(ОР РГБ. Никитинские субботники. Папка 7.
Ед. хр. № 5. 1920-е гг. Автограф)

Заявление А.М. Пешковского
председателю Общества любителей российской
словесности. 8 марта 1925 г. Автограф.
(ОР РГБ. Никитинские субботники (Н.С.).
Папка 10. Ед. хр. № 14. Л. 1)

Нами обнаружено свидетельство об избрании А.М. Пешковского в 1925 г. в действительные члены Общества любителей российской словесности. В «Заявлении» на имя председателя ОЛРС от 8 марта 1925 г. он писал: «Выражая глубокую признательность за сделанное мне предложение вступить в члены Общества, заявляю, что согласен на баллотировку и желал бы работать в Обществе» (ОР РГБ. Никитинские субботники (Н.С.). Папка 10. Ед. хр. № 14. Л. 1 (автограф)). К «Заявлению» приложен собственноручный список печатных работ (там же, л. 1), из ко-

торых две выделены автором особо: «Русский синтаксис в научном отношении» (так у А.М. Пешковского. – О. Н.) 1914 и 1920 гг. и «Школьная и научная грамматика» (5-е изд., 1925 г.) (там же, л. 1).

В деле сохранилось также «предложение» членов ОЛРС, подписанное известными филологами П.Н. Сакулиным, Н.К. Пиксановым и др., о принятии А.М. Пешковского в действительные члены ОЛРС (там же, л. 2).

1920-е годы – время бурного идеологического строительства, одним из составных частей которого было образование, решавшее *практические* задачи. Но тогда еще было возможно под вывесками учебных заведений и многочисленных комиссий без нажима сверху свободно обсуждать в том числе и актуальные научные проблемы, имевшие прикладное значение. Отголоски некоторых дискуссий донесли до нас и голос А.М. Пешковского. Так, в журнале «Родной язык и литература в трудовой школе» за 1928 г. был помещен отчет работы кафедры языка в Коммунистическом университете имени тов. Сталина, ставившей своей задачей «подготовку квалифицированных партийных работников для советского и зарубежного Востока». В нем отмечалось, что на предметных комиссиях были заслушаны следующие доклады: председателя (так в тексте. – О. Н.) кафедры Г.К. Данилова «Основной лингвистический закон по данным Белицкого говора», проф. Е.Д. Поливанова «Понятие эволюции в языке», проф. А.М. Пешковского «Европейская пунктуация и ее недостатки» и др. Здесь дается и краткое изложение всех выступлений. «Проф. Пешковский <...> дал общий обзор европейской пунктуации. Несмотря на частные различия по отдельным языкам, европейская пунктуация представляет, в общем, один тип. Самые знаки пунктуации одни и те же, общий смысл каждого знака одинаков, так что можно говорить об единой европейской пунктуации. Как же определяет европейская пунктуация свои задачи?

Две задачи – фонетико-интонационная и логико-грамматическая <...>. Они принципиально примиримы, но в литературе по вопросам пунктуации нет объединения этих двух принципов <...>.

В самом кодексе европейской пунктуации, во всех правилах, – неточность. Правила пестрят фразами вроде: «иногда ставится запятая», «длинные, краткие» предложения. Тире стало знаком отчаяния. Но если пунктуация – законодательство, то подобные выражения недопустимы. Многопринципность европейской пунктуации на практике оказывается беспринципностью.

Между кодексом и фактической пунктуацией огромная пропасть. Фактически преобладает интонационный момент, теоретически он занимает весьма подчиненное место. Такое положение требует реформы. На первый план необходимо выдвинуть интонационный момент, так как у пишущего всегда желание акустически довести до сознания читающих то, что он пишет. Да и всякий произносит мысленно то, что он пишет. Интонационный принцип должен быть формулирован как психоинтонационный, так как интонация – тонкая вещь, формулировать ее нелегко; это должно происходить на психологической почве. Известные уступки, точно оговоренные, должны быть сделаны и собственно-грамматическому принципу» [9, с. 120–121].

А.М. Пешковский показал себя знатоком европейской лингвистической практики, хорошо понимавшим и чувствовавшим реальную языковую ситуацию.

Он также входил в состав комиссии по русскому языку при Институте методов школьной работы. В ее отчете за 1927–1928 гг. отмечалось, что А.М. Пешковский был избран председателем президиума вместе с П.О. Афанасьевым (товарищ председателя) и А.Б. Шапиро (секретарь). Там же говорилось, что «за время с 21 октября 1927 г по 18 мая 1928 г. состоялось 11 заседаний комиссии». Большинство докладов было связано с проблемами преподавания русского языка в школе. А.М. Пешковский неоднократно выступал с дискуссионными сообщениями. Так, «в первом заседании комиссии (21 октября) был заслушан доклад А.М. Пешковского на тему “Пересмотр важнейших вопросов синтаксиса”. Докладчик осветил основные положения своей синтаксической системы, как она дана им во вновь выходящем издании “Русского синтаксиса в научном освещении” (переработанном и расширенном)». На пятом заседании (13 января 1928 года) А.М. Пешковский выступил с отзывом об учебниках по пунктуации. На девятом были прослушаны сообщения о новых учебных пособиях; в числе докладчиков был и А.М. Пешковский [10, с. 129–131].

1920-е годы выдвинули целую плеяду ученых-филологов и педагогов, разрабатывавших новые принципы учебной работы и методы обучения. С.И. Абакумов, П.О. Афанасьев, П.А. Дудель, И.Н. Кубиков, И.Р. Палей, Н.С. Поздняков, М.В. Ушаков, А.Б. Шапиро и др. активно включились в работу по перестройке и пересмотру целого ряда положений научно-педагогической практики. Многие позднее было исползовано и реализовано в школе. К числу этих новаторов, вне сомнения, стоит отнести и А.М. Пешковского, который являлся не только автором многих оригинальных работ, но инициатором и вдохновителем интересных начинаний, по сути дела, он был *общественником* в высоком смысле этого слова.

С 1926 г. ученый работал на педагогическом факультете 2-го Московского университета, который в 1930 г. был реорганизован, и из него выделился Московский государственный педагогический институт имени А.С. Бубнова. В разное время, в том числе и одновременно с А.М. Пешковским, здесь работали А.М. Селищев, М.Н. Петерсон, М.Н. Каринский и другие языковеды. Он преподавал также в Редакционно-издательском институте (создан в 1930 г.).

Примечательным фактом в биографии А.М. Пешковского стало выдвижение его кандидатуры на выборах в Академию наук СССР в 1928 г. Тогда научные работники Москвы обратились в АН с предложением избрать его действительным членом по отделению литературы и языков европейских народов. В этом документе отмечалось, что «А.М. Пешковского следует считать крупным ученым, автором выдающихся трудов, соединяющим широкие научные интересы с высоко полезной общественно-педагогической деятельностью» (цит. по изд.: [1, с. 12]).

Кроме насыщенной педагогической и общественной деятельности, А.М. Пешковский занимался редактированием книг (он написал предисловия к тру-

дам А. Артюшкова «Звук и стих. Современные исследования фонетики русского стиха». Пг., 1923; С. Карцевского «Повторительный курс русского языка». М.; Л., 1927), много полемизировал в научной печати по проблемам обучения русскому языку, опубликовал рецензии на книги Н.С. Державина, С.И. Абакумова, Л.А. Булаховского, Н. Бельчикова и А. Шапиро, Р.О. Шор и других ученых-практиков. В то же время он занимался подготовкой материалов для «Словаря языка А.С. Пушкина» и составлением нового орфографического словаря для начальной и средней школы. Последняя работа так и не была осуществлена: «А.М. Пешковский предполагал согласовать правописание слов в этом словаре с большим орфографическо-грамматическим справочником, подготовлявшимся под его же редакцией к изданию в издательстве “Советская энциклопедия”. Но редакция большого справочника не была доведена им до конца... После смерти А.М. Пешковского словарно-орфографическую работу завершил проф. Д.Н. Ушаков, орфографический словарь которого появился в свет уже в 1934 г.» (цит. по изд.: [1, с. 11–12]).

Добавим еще несколько штрихов из совместной биографии М.А. Волошина и А.М. Пешковского. В 1925 г. в Коктебеле намечался юбилей поэта по случаю его 25-летней деятельности. Приглашали и А.М. Пешковского, который в одном из писем своему учителю Ю.А. Галабутскому так выразился о предстоящей церемонии чествования М.А. Волошина: «Относительно выступления на юбилее с оценкой стихов Макса, хотя бы письменной, – я для этого не гожусь, так как и недостаточно компетентен (мало его читал), и недостаточно сочувствую его поэтическому “уклону”, кроме, конечно, *политических* стихотворений. О последних я мог бы говорить с великим жаром и восторгом, но боюсь, что после этого ему не подарят дачу, а, напротив, окончательно отнимут. А вообще-то я узнал, что юбилей сейчас в России действительно – единственное верное средство для приобретения недвижимого имущества в собственность» (ОР ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. № 252. Лл. 7–7 об.; цит. по изд.: [3, с. 131]). Тем не менее А.М. Пешковский помогал организации и подготовке юбилея, находясь в Москве. В письме М.А. Волошина Е.Л. Ланну из Коктебеля 2 мая 1925 г. он так охарактеризовал своего «старого друга», «с которым мы вместе жили и росли»: *санскритолог, филолог-экспериментатор, специалист по русской грамматике, естественник и музыкант* – «человек крайне рассеянный, наивный, духовно прекрасный и творчески ученый. Он неожиданно принял самое горячее участие в устройстве “чествования”» [3, с. 131].

Видимо, в последние годы жизни, что-то переосмыслив, и М.А. Волошин, и А.М. Пешковский вновь искали путей к возобновлению прежней дружбы, ведь действительно они прошли вместе долгий жизненный путь и часто помогали другу другу, знали буквально все. В этом признавался А.М. Пешковский М.А. Волошину в письме 7 марта 1931 г.: «То, о чем ты пишешь, именно жгучее желание восстановить нашу близость, я испытал гораздо раньше тебя, и мой приезд тогда этим и объясняется. Но ты оказался в непрестанном “окружении”. По-видимому, единственный способ это сделать – приехать зимой, но при теперешнем снабжении

и моем желудке это совершенно невозможно. Я и в Москве-то еле живу, несмотря на вполне приличный заработок. Белого хлеба дают только $\frac{1}{2}$ ф<унта> в день, а черный я могу есть только с большим вредом для здоровья. Без сливочного масла (которого у Вас там, наверное, ни за какие деньги не достанешь) я совершенно не могу существовать» [4, с. 278].

Летом 1928 г. А.М. Пешковский снова побывал в Крыму, в Коктебеле, у друга юности М.А. Волошина, в доме отдыха для писателей, организованном по инициативе последнего. В разное время там жили крупнейшие деятели искусства: В.В. Вересаев, А. Белый, В.Я. Брюсов и многие другие. В 1920–1930-е гг. дом М.А. Волошина становится местом паломничества и приюта интеллигенции:

Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни южный ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.

М. Волошин («Дом поэта»)

В «прохладных кельях» проводились стихотворные конкурсы, выставки, литературные вечера. Это был своего рода центр русской культуры, один из немногих островков, дышавших свободой творчества в искусстве «в годы лжи, падений и разрух». Живая, постоянно ищущая натура А.М. Пешковского, энергетизм его творческой личности и здесь находили выражение и отдохновение.

А.М. Пешковский немало скитался: родился в Сибири, детство и юность провел в Крыму, учился в столичном университете и в Западной Европе, путешествовал... Но большая часть его кипучей жизни прошла в Москве, где он нашел свое призвание и смог реализовать замыслы. Нам удалось разыскать редкие факты из московской биографии ученого, и они очень символичны. По данным известного историка культуры и библиографа В. Сорокина, в доме № 2 по Рахмановскому переулку, расположенному между улицами Петровка и Неглинная, в гостиничном корпусе жил А.М. Пешковский, у которого «останавливался его друг по университету поэт Максимилиан Волошин». Примечательно, что здесь же в 1830-е гг. квартировал В.Г. Белинский, отчисленный из Московского университета за антикрепостническую пьесу «Дмитрий Калинин», – работал над переводами и книгой «Основания русской грамматики» [13]. В 1910–1930-е гг. А.М. Пешковский жил в самом сердце культурной Москвы – в арбатских переулках, на Сивцевом Вражке в доме № 35, кв. 18. Неподалеку от него, в доме № 19, «в начале 1912 г. останавливался поэт М.А. Волошин». Рядом, на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулков, жили Д.Н. Ушаков и знаменитый пианист К.Н. Игумнов, в Большом Афанасьевском – М.Н. Петерсон и В.В. Виноградов. Целое созвездие русских поэтов, писателей, художников, деятелей науки и музыкального искусства еще с дореволюционных времен жили в этом уголке старой Москвы (подробнее об этом см. [11, с. 365 и далее]).

Об А.М. Пешковском с большим душевным волнением вспоминали люди, знавшие ученого не пона-

слышке и выдлившие, пожалуй, самую суть его человеческого облика: «Главной чертой А.М. Пешковского была его беспокойная страстность, направленность пытливого мысли к новому, самоотверженная честность в исполнении своего долга, желание принести наибольшую пользу Родине. Именно это побудило его сначала, в студенческие годы, принять участие в революционном движении, потом долго искать своего пути в науке, чтобы в конце концов остановиться на филологии... и вести непримиримую борьбу за передовые идеи в лингвистике и методике русского языка» [2, с. 6].

*Москва, улица Сивцев Вражек, д. 35.
Здесь в 1910–1930-е гг. жил А.М. Пешковский
(современная фотография)*

Осколки памяти донесли до нас и немногие свойства его личности, где даже такие, внешние, признаки показательны. Известный методист Н. Поздняков писал: «...он как живой стоит передо мной: маленький, подвижной, очки всегда немного набок, а за ними сосредоточенные, постоянно вглядывающиеся в какую-то мысль глаза. Я вижу искорки, вспыхивающие в его зрачках, улыбку, сопровождающую эти вспышки, и мне чудится его голос...» [8, с. 54].

Портрет А.М. Пешковского дополняют воспоминания писателя А.Р. Палея: «Из-за своего некрепкого здоровья... Александр Матвеевич быстро уставал от ходьбы. Потому он носил с собой портативный складной стул. Однажды мы с ним встретились у гостиницы “Метрополь”... Пешковский поставил стул у стены здания и расположился сидя побеседовать со мной. Какая-то проходившая мимо старушка посмотрела на стульчик, потом на сидевшего на нем пожилого человека, явно не собиравшегося уходить. Затем, движимая, очевидно, привычными ассоциациями, достала монетку и попыталась предложить ее Александру Матвеевичу.

Пешковский потом добродушно смеялся...

...Он любил музыку и был глубоко музыкально образован. В Екатеринославе... он давал частные уроки музыки. И математики – потому что и математику знал отлично. Живя в Москве, он постоянно посещал

концерты в консерватории... Некоторое время в его квартире жили две консерваторки-пианистки и, конечно, много упражнялись на своем инструменте.

Профессор Александр Матвеевич Пешковский

– Они вам, верно, мешают работать? – спрашивал Александра Матвеевича мой брат (известный методист И.Р. Палей. – *О. Н.*).

– О нет! – возражал он. – Они ведь хорошо играют» [6, с. 94–95].

Жизнь А.М. Пешковского оборвалась 27 марта 1933 г. Его жена, зоолог по специальности, Людмила Сергеевна, пережила супруга более чем на тридцать лет и похоронена вместе с ним на Новодевичьем кладбище.

Нетрудно заметить, что в земном пути и на филологическом поприще он был первооткрывателем, большим энтузиастом и великим тружеником, оставившим по себе добрую память преданного служителя родной словесности, ее страстного пропагандиста и бескорыстного Учителя.

Без имени А.М. Пешковского невозможно представить себе русскую филологическую культуру XX века, вобравшую, кажется, все ритмы и благозвучия той противоречивой эпохи. Научное наследие ученого намного пережило его время и сейчас находится на передовой лингвистических дискуссий, обнаруживая

исключительную ценность «ликов творчества» Александра Матвеевича Пешковского:

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

М. Волошин (1914 г.)

Источники

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).
ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Литература

1. Белов, А.И. А.М. Пешковский как лингвист и методист / А.И. Белов. – Москва, 1958.
2. Василенко, И.А. А.М. Пешковский – выдающийся советский лингвист и методист / И.А. Василенко, И.Р. Палей // Пешковский А.М. Избранные труды. – Москва, 1959. С. 5–18.
3. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2015. – Т. 13. Письма 1925–1928.
4. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2015. – Т. 14. Письма 1929–1932.
5. Никитин, О.В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново и А.М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О.В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.
6. Палей, А.Р. Встречи на длинном пути: Воспоминания / А.Р. Палей. – Москва, 1990.
7. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1914.
8. Поздняков, Н. А.М. Пешковский как методист / Н. Поздняков // Русский язык в национальной школе. – 1958. – № 4.
9. Родной язык и литература в трудовой школе. – 1928. – № 3. – С. 120–121 [хроника].
10. Родной язык и литература в трудовой школе. – 1928. – № 3. – С. 129–131 [хроника].
11. Романюк, С.К. Из истории московских переулков / С.К. Романюк. – Москва, 2000.
12. Ушаков, Д.Н. Русский язык: учеб. пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Д.Н. Ушаков. – Москва, 1995.
13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mos-nj.narod.ru/1990/_nj/9105/nj9105_a.htm

O.V. Nikitin

A.M. PESHKOVSKY'S "FACES OF ART": 1910s – 1930s

The article presents the scientific and creative biography of A.M. Peshkovsky (1878–1933) during the Moscow period of his activity. After wandering around Europe and finding his vocation, the scientist focused on the study of linguistic problems. But the ardent nature of the researcher could not fit into the framework of traditional linguistics and he was constantly involved in various projects in the 1920s. In this sphere of his activity, A.M. Peshkovsky appeared not only as a researcher, but as a public figure, a polemicist, a 'spiritually beautiful' personality, who had a soul of the experimenter and was a real dreamer until his last years in the world of turbulent cultural and historical events of the first third of the 20th century. The author describes his participation in the work of the Moscow Dialectological Commission and the Society of the Russian literature Lovers. The article also presents Peshkovsky's relationship with the symbolists and the poets of the Silver Age, especially relationship with M.A. Voloshin, and their debates, and reflections about creativity. The author discusses the role of A.M. Peshkovsky in the educational and scientific-methodical work in the 1920s, and his interest in various branches of linguistic science – from poetics to intonation. The article reveals little-known biographical information on A.M. Peshkovsky.

Philology, science experiment, literary community, ideological construction, the Russian language teaching methods, philosophy of creativity.